

⁸ Э. Суини воспроизводит куклу Вак Лонга с пучком волос в книге «Малайский театр теневых кукол». См.: *Sweeney A. The Malay Shadow...* P. 33. Pl. 13; P. 59. Pl. 26.

⁹ Один из далангов так объяснил его происхождение: «Турас вышел из Семара, но он не его сын. Турас вышел из тени Семара, но он не его тень. Турас вышел из земли, на которую упала тень Семара, когда тот предавался аскетической практике. Турас, таким образом, – двойник Семара». См.: *Cuisinier J. Op. cit.* P. 88.

I.N. S o l o m o n i k. Keramat (A Group of Puppets in Malayan Leather Puppets Performances – «Vayang Kulit» – and Ancient Beliefs Connected with Them)

The article is devoted to a group of puppets of leather Puppets' traditional performances (called in Europe Shadow Theatre) which is connected with the ancient pre-islamic Malayan beliefs and their magic aspect. The autor thinks that the reason for the state Kalantan government's ban of these performances is at first in the magic aspect and in the elements of pre-islamic sence which are stable in the performances.

© 1998 г., ЭО, № 4

Л.А. И в а н о в а

ОБ ЭКСПОНАТАХ С МАЛАККСКОГО П-ОВА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Одна из многих задач изучения этнографических коллекций Н.Н. Миклухо-Макля заключается в атрибуции тех предметов его собрания, назначение, происхождение и время приобретения которых по тем или иным причинам остались неизвестны. В числе этих предметов, не атрибутированных ни самим собирателем, ни другими исследователями, находится и рассматриваемый далее экспонат.

Бамбуковый цилиндрический футляр с крышкой был зарегистрирован Евгенией Львовой Петри 8 ноября 1893 г. под колл. № 231-1 и определен как «бамбуковый футляр, содержащий два шипа ската»¹. Согласно титульному листу Описи этой коллекции, все три предмета поступили из Зоологического Музея Императорской Академии Наук в этот же день. Однако в сохранившейся сопроводительной записке на немецком языке от г-на Герценштейна² бамбуковый футляр не значится. Он был перерегистрирован Е.Л. Петри в 1898 г. в коллекцию № 402 с порядковым № 10. На предмете сохранились нанесенные черной тушью (или чернилами) два номера: на крышке – 231-1/в, на футляре – 231-1/а*. Последний номер зачеркнут красной краской, и рядом сделана надпись: «Вошел в колл. 402 под № 10». Для того чтобы надпись не стерлась, ее покрыли прозрачным составом, сильно пожелтевшим от времени. Выше на стенке, под тем же составом – размашистая подпись дарителя: «Maslay». В описи колл. № 402 сохранилась наклеенная этикетка – прямоугольная бумажка в клетку (4 × 7 см) с текстом самого ученого, написанным обычным карандашом: «Микл[ухо-] Макл[ай] 188. 2 шипа ската» и двумя более поздними и одновременными пометами: «8. XI. 1893» (дата передачи из Зоологического музея) и

* Все дополнительные литеры и цифры к порядковым номерам написаны в виде дроби, но здесь передаются через косую черту. То же относится и к написанию чисел и месяцев в приводимых в статье датах из документов.

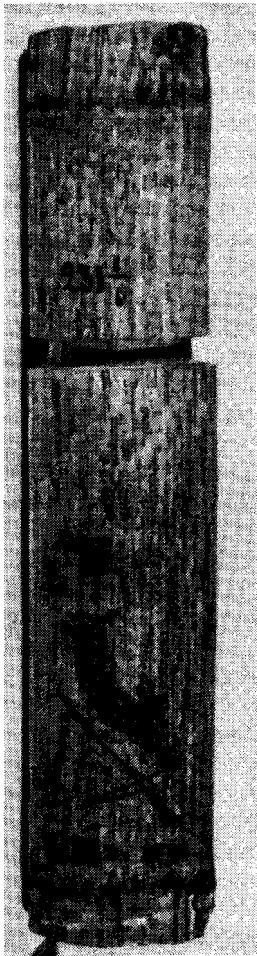

Рис. 1. Бамбуковый футляр № 402-10 из коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая. Высота предмета в закрытом виде 22 см

Рис. 2. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая в дневнике путешествия по Малаккскому п-ову. Архив РГО. Ф. 6. Оп. 1. № 47. Л. 13

«402-10/2» (№ МАЭ проставленным в 1898 г.)³. Хотя на этикетке собирателя и в сопроводительной записке речь идет только о двух шипах ската, регистрация предметов, проведенная в день поступления, вроде бы исключает путаницу и предполагает одновременное попадание в МАЭ и футляра, и шипов.

В любом случае личная подпись на поверхности изделия устраняет сомнения в его принадлежности к этнографическому собранию путешественника. Круглое отверстие от дырокола на этикетке говорит о том, что первоначально она была привязана к предмету. Можно предположить, что экспонат вместе с этикеткой был передан в Зоологический музей самим Н.Н. Миклухо-Маклаем.

Предмет (рис. 1) изготовлен из двух разновеликих отрезков бамбука, надеваемых один на другой, что и позволило Е.Л. Петри определить его как «футляр». В обеих трубках сохранено по естественной перегородке, они служат: одна – дном футляра, другая – дном крышки. Большой отрезок (длиной в 19,5 см и диаметром трубки у дна 4,5 см⁴) в верхней открытой части подрезан под крышку. Для этого с его наружной стороны удалена часть стенки толщиной в 0,4–0,5 и шириной в 4,9 см, что привело к

образованию дополнительного цилиндра меньшего диаметра (3,5 см). Отношение длины последнего (4,9 см) к общей длине трубки (19,5 см), на которой он вырезан, составляет приблизительно 1:4. Меньшая трубка (длиной 7,5 и диаметр 4,5 см) служит крышкой. Общая высота предмета в закрытом виде 22 см. Близ верхнего и нижнего краев вещь опоясана двумя слабоволнистыми линиями – результат подтески стенок на длину 1,8–2 см каким-то режущим орудием с узким лезвием. Слегка выступающее в нижней части футляра ребро бамбуковой перегородки, почти не поддавшееся стесыванию, образует как бы вторую выпуклую линию «орнамента». Предмет имеет серо-желтую поверхность, так как с бамбука частично снята *кутикула* – желтый наружный слой. Подпись собирателя, сделанная на этой серой поверхности, свидетельствует о том, что Н.Н. Миклухо-Маклай приобрел футляр уже в таком виде. Большая степень загрязненности и въевшаяся в мелкие вертикальные трещинки грязь указывают на использование вещи в быту. Следовательно, она является окончательным изделием, а не его заготовкой. Ни внутри футляра, ни на единственном сохранившемся шипе ската нет тех видимых следов, по которым можно было бы судить о назначении футляра и шипа. Необходимо отметить наличие на предмете многочисленных затертых и подскобленных цифр и букв – результат более чем 100-летней музейной «жизни» экспоната. Среди затертых букв вроде бы можно прочитать: «Саса».

Таким образом, рассматриваемый предмет имеет следующие характеристики: 1) две бамбуковые трубки; 2) надеваемая на футляр крышка; 3) зауженная под нее верхняя часть футляра; 4) отношение длины зауженной части ко всей длине трубки составляет приблизительно 1:4; 5) частично счищенная с поверхности предмета *кутикула*; 6) подтеска краев трубок, образующая две волнистые линии; 7) отсутствие орнамента на поверхности цилиндра.

Перечисленные выше характеристики отличают данную вещь от остальных 14 бамбуковых цилиндрических футляров Маклаевской коллекции (№ 168–9, 10, 11, 84, 168, 176; № 402–7, 9, 23, 25–29). Все они имеют *кутикулу*; выжженный или нанесенный иным способом орнамент, который опоясывает весь цилиндр или охватывает его широкой полосой; прямые, без подтески, верхний и нижний края. Хотя эти различия и носят принципиальный характер, они не касаются конструкции предметов. Поэтому бегло рассмотрим и эти особенности.

Два футляра с о-ва Тимор (№ 168–84 и 168)⁵ представляют собой короткие полые бамбуковые трубки. Вырезанные из бутылочной тыквы диски вставлены в трубку сверху и снизу в качестве доньшек и крышек. Каждый из дисков имеет в центре отверстие. На предмете № 168–84 сохранился завязанный на конце шнур. Он проходит снизу через донный диск, через полость трубки и отверстие в крышке. Шнур страхует горизонтальное положение нижнего диска и позволяет подвесить предмет. Назначение футляров не установлено.

Остальные 12 экспонатов происходят из Меланезии и представляют собой футляры для хранения извести (ингредиент бетелевой жвачки), что подтверждается остатками этого вещества в цилиндрах. Они различаются по конструкции в зависимости от района изготовления. Два из них (№ 402–23, 26)⁶ – с островов Адмиралтейства. Каждый изготовлен из цельного бамбукового колена, т.е. отрезка створа растения, ограниченного с двух концов естественными перегородками. В верхней сделано отверстие для насыпания извести внутрь футляра, а также для извлечения небольших доз этой приправы.

Семь футляров (№ 168–9–11 и № 402–7, 9, 25, 27)⁷ происходят с Берега Маклая на Новой Гвинее. Каждый из них (кроме № 402–25), как и атрибутируемый предмет, состоит из двух бамбуковых трубок разной длины. Во всех трубках сохранено по одной перегородке, служащей дном или футляра, или крышки. Однако крышки не надеваются на футляры, а вставляются в них. Для этого стенки крышек подтесаны. Длинные трубки футляров заужены наверху на 2 см под плетеные из ротанга кольца, надетые на них для предохранения от трещин. Только экспонат № 402–25 не имеет

верху ни сужения, ни плетеного кольца; его крышкой служит туго свернутый кусок тапы, прикрытый фрагментом птичьей кожи с сохранившимся белым пухом.

Наконец, три футляра для извести (№ 168–176, № 402–28, 29)⁸ происходят с Соломоновых островов. Конструктивно они близки экспонату № 402–10, но имеют вставные деревянные донца и отношения зауженных частей футляров к длине трубок иное: оно составляет приблизительно 1:3. Учитывая, что помимо иных пропорций изделия с Соломоновых островов отличаются наличие кутикулы и выжженный орнамент, полностью покрывающий и футляры и крышки, конструктивное сходство приходится оценить как случайное.

Заключая беглое рассмотрение 14 бамбуковых футляров Маклаевского собрания, необходимо отметить, что предметы каждой из четырех локальных групп (о-в Тимор, Берег Маклая, Соломоновы острова и острова Адмиралтейства) различаются не только по конструкции, но и по орнаменту. Эти характеристики подтверждаются и литературными данными, и другими музейными коллекциями. Они позволяют говорить по крайней мере о четырех различных традициях⁹ в изготовлении бамбуковых футляров, а также о том, что рассматриваемый экспонат № 402–10 не принадлежит ни к одной из них. В попытке его атрибутировать приходится обратиться к иным областям пребывания Н.Н. Миклухо-Маклая, чем Тимор в Восточной Индонезии, Берег Маклая на Новой Гвинее или острова Адмиралтейства и Соломоновы в Меланезии.

Как и в ряде других случаев¹⁰, главную роль в атрибуции предмета сыграли полевые записи и рисунки самого ученого. Так, в дневнике первого путешествия по Малаккскому п-ову (23 ноября 1874 г. – 31 января 1875 г.) сделан рисунок, на котором изображен стоящий юноша в набедренной повязке (рис. 2). Его фигура слегка повернута левым боком к зрителю. Одной рукой он поддерживает длинную трубку, лежащую на правом плече. К шнуру на талии прикреплен бамбуковый цилиндрический футляр. Косой легкой штриховкой передана подтека стенки крышки, а горизонтальная линия показывает границу подтеки. У нижнего конца футляра проходят две волнистые горизонтальные линии. Поверхность цилиндра лишена какой бы то ни было орнаментации. Сходство предмета на рисунке Н.Н. Миклухо-Маклая с экспонатом № 402–10 из МАЭ очевидно. Хотя цилиндр на рисунке и нельзя назвать «портретом» музейной вещи, их типологическая близость несомненна, как несомненна и их принадлежность к одной культурной традиции.

В подрисуночной подписи указано: «Сватн. Ор[ан] Райет, л[ет] 16 Р[ост] и обх[ват] 1.42». Рисунок сделан на листе 13 рядом с текстом следующего содержания: «... между взрослых попадаются довольно приятные физиономии, как, например, Сватн.

У оран-райет интересное оружие – *сумпитан*, или, на их языке, *блахан*. Блахан представляет трубнообразную палку метра 2 длины, которая состоит из двух половин, связанных обмотанным ротангом, и которая обмазана гытой. Стрелы, см в 20, очень тонкие, нижний конец которых снабжен родом пробки из сердцевины какого-то дерева. Этот толстый наконечник приблизительно обрезают ножом, еще полируется (с) помощью сухого шероховатого листа, причем оконечность стрелы держат между вдвое сложенным листом, стрелу же быстро катают, положив ее на ляжку, ладонью. Надо, чтобы наконечник плотно бы приходился в канал сумпитана.

Вложив стрелу в сумпитан, берут его обеими руками, широкий конец подносят к губам, затем, медленно поднимая другой конец и направив на цель, быстро выдувают стрелу. Она долетает до цели, отдаленной даже более чем на 50 шагов, может достигнуть даже 80 шагов. Но ветер при легкости стрелы мешает точности. Шагов на 20–25 туземцы всегда почти попадают в небольшую цель. Попробовав в первый раз, я 2 раза попал около самой цели, а в третий попал даже в нее. Это доказывает, что не особенно трудно достигнуть в этом отношении большого искусства, которого действительно, говорят, достигают оран-райет. Туземцы с видимым удовольствием вынесли почти все свои сумпитаны и стали наперерыв показывать свое искусство, когда я им сказал, что желаю посмотреть на эту процедуру...

Что делает эту небольшую стрелу опасною не только для человека, но и для тигра, – это "ипо", или "ипо-упас", или "ратиум", в который окунается оконечность, обыкновенно из твердого дерева, и который остается в ране. Меня уверяли здесь, что люди не доживают до вечера, (будучи) ранены, так же как и тигры. Яд может быть без опасности съеден, что, однако же, отвергается другими. Этот яд готовится из толченой коры дерева, которой водяной настой кипятят до сгущения, затем прибавляют все, что предполагается ядовитым: соки разных плодов, даже зубы змеи (NB), так что яд имеет разное действие и не может считаться единственно растительным...

Бандон [Бадон] – одно из мест, которые оран-райет время от времени посещают, не оставаясь долго и строя новые пондо [ветровые заслоны] каждый раз или немного исправляя старые»¹¹.

Запись была сделана 25 декабря 1874 г. на лесной стоянке оран райет в Бадоне, куда путешественник пришел накануне, 24 декабря, а покинул ее утром 26 декабря. В записи упоминает юноша по имени Сватн, и он же изображен на рисунке в тексте с длинной трубкой на правом плече. Содержание текста позволяет опознать в ней сумпитан, или блахан. Спереди вдоль верхней границы ствола сумпитана проходит некая ланцетовидная деталь, не упомянутая в дневнике, но именно она позволяет отнести зарисованный Н.Н. Миклухо-Маклаем блахан к тому особому типу стрелометательных трубок, которые, по классификации Ноэми Григорьевны Шпринцин, снабжены «металлическим штыком ланцетовидной формы»¹².

Сумпитаны такого типа в прошлом были распространены у некоторых бродячих охотников-собираателей, например у пуананов о-ва Калимантан¹³. Известны они и в собраниях МАЭ с того же острова, а также с Сулавеси¹⁴. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая документально свидетельствует о существовании в 70-х годах XIX в. сумпитана со штыком и на п-ове Малакка. Пожалуй, Н.Н. Миклухо-Маклай был первым исследователем, зафиксировавшим духовную трубку со штыком в этом районе малайского мира, хотя сомнительно, чтобы он придавал этому факту особое значение.

Что касается области распространения оружия, то Н.Н. Миклухо-Маклай писал: «Оно встречается у всех лесных людей от Йохора до Сингоро»¹⁵, т.е. она охватывает весь полуостров с юга на север. В 1882 г. в лекциях, прочитанных в Императорском русском географическом обществе, Н.Н. Миклухо-Маклай уточнил материал и диаметр блахана, который был изготовлен «из пустого внутри бамбука, метра два длиною и приблизительно одинакового диаметра 2–3 см»¹⁶.

В тексте Карманной записной книжки № 3 (далее – КЗК № 3) за декабрь 1874 г. – февраль 1875 г., озаглавленном «Сумпитан и ипо»¹⁷ и в целом повторяющем цитированный выше отрывок из дневника, есть рисунок стрелы, комплектной блахану (рис. 3). На рисунке четко видны особенности стрелы: заостренный наконечник, резкое сужение древка под ним и постепенное его утолщение к нижнему концу, на который надета пробка в форме усеченного конуса. Ряд дополнений содержится в упомянутых лекциях: «Эти стрелы очень тонки, не толще вязальной спицы, и заострены таким образом, что, вонзаясь в кожу, кончик стрелы обламывается и остается в коже»¹⁸. Эти характеристики соответствуют некоторым стрелам, хранящимся в МАЭ и происходящим, по данным Н.Г. Шпринцин, «из разных мест Малайского архипелага (Борнео [совр. Калимантан], Суматра, Малакка [выделено мною. – Л.И.], Ява и др.)»¹⁹.

Естественно, для ношения и хранения стрел, особенно пропитанных сильнодействующим ядом, должен был существовать колчан. Предполагаю, что цилиндрический предмет на боку Сватна, изображенный на рисунке, и соответствующий ему футляр с № 402–10 из Маклаевского собрания, и есть колчан для отравленных стрел с п-ова Малакка. Косвенным подтверждением такой атрибуции служат приводимые Н.Г. Шпринцин материалы МАЭ с о-ва Борнео, откуда происходит колчан из "коленца бамбука, без орнамента"²⁰.

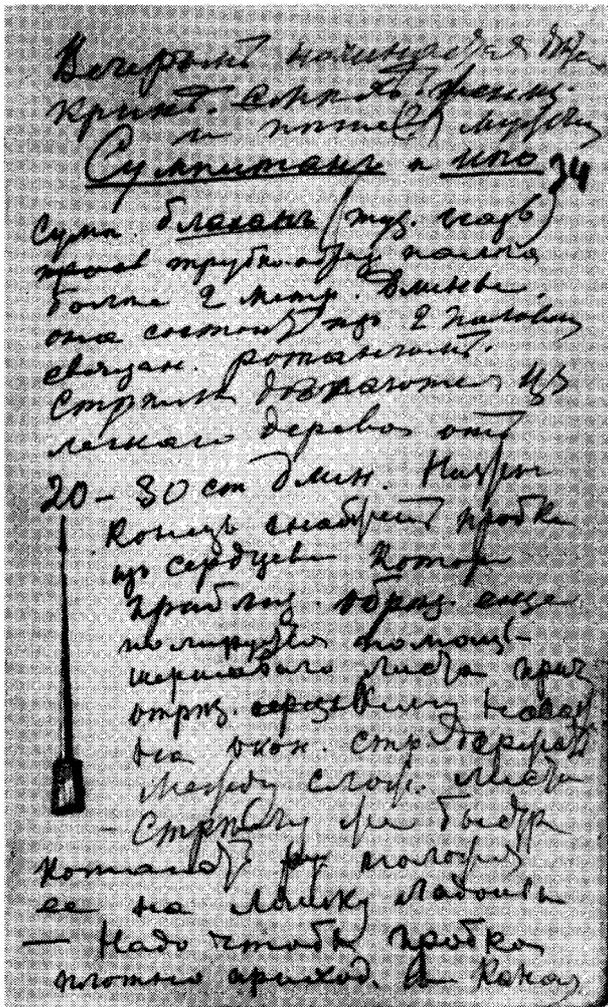

Рис. 3. Рисунок стрелы к сумпитану. Л. 13 Карманной записной книжки № 3 за декабрь 1874 г. – февраль 1875 г. Н.Н. Миклухо-Маклая

Если принять предлагаемую интерпретацию фугляра № 402–10, то все три зарисованные Н.Н. Миклухо-Маклаем предмета представляют собой единый функциональный комплекс, состоящий из сумпитана, стрелы к нему и колчана. А это в свою очередь полностью соответствует полевой методу Н.Н. Миклухо-Маклая, который часто предпочитал дневниковым записям графическую фиксацию материала. Она наглядно передает функциональные связи вещей в аборигенных культурах. Например, комплект одежды, оружие и щит воина-минахаса с о-ва Сулавеси не упоминается в текстах ученого, но он отражен в двух его рисунках и представлен четырьмя соответствующими рисункам предметами его коллекции²¹. Эта метода позволяла Н.Н. Миклухо-Маклаю порой избегать словесной детализации и записывать только ту информацию, которая представляла для него особый интерес, или ее невозможно было отразить графически.

Так, к вопросу о яде для стрел он возвращается неоднократно. Сведения о нем, кроме цитированного дневника, занесены в КЗК № 3 за декабрь 1874 г. – февраль 1875 г. и приведены Е.В. Ревуненковой в примечаниях к изданному дневнику: «Здеш-

ние райет говорили мне, что яд готовят из толченой коры дерева, которой водяной настой варят и примешивают к нему разные другие соки растений и плодов, также **зубы ядовитых змей**. Так что яд очень различен почти у каждого и не единственно растительный. **Может сохранить свое действие года** (выделено мною. – *Л.И.*)»²². О составе яда ученый сообщал и в «Этнологических экскурсиях по Малайскому полуострову (ноябрь 1874 г. – октябрь 1875 г.)»²³.

В лекциях, прочитанных в 1882 г., он вновь возвращается к этому вопросу: «Мне было очень интересно познакомиться ближе с ядом, который оран-утан и оран-сакай употребляют для отравления своих стрел, и потому во время моей экскурсии в Йохор я постарался добыть значительное количество этого яда, который продавали мне за пустаки – за табак – и нарочно готовили для меня...

Базис, основание яда, в который они обмакивают концы своих стрел, составляет вываренный сок коры *Apiaris toxicaria* – большого дерева, называемого также "унас" и растущего на Яве и других островах Малайского архипелага. К этому варкой сгущенному соку некоторые добавляют сок одного из ядовитых видов *Strychnos*, другие же **яд змеи** и т.п. (выделено мною. – *Л.И.*)... Надо заметить, что яд, с которым я производил опыты [на кошках и собаках], пролежал у меня месяца два, после того как он был добыт»²⁴.

Стойкий интерес Н.Н. Миклухо-Маклая к местным ядам наводит на мысль о том, что колчан содержал небольшое количество отравы. Она предназначалась для биохимического анализа змеиного компонента яда, так как его растительные ингредиенты были известны. Пожалуй, это единственное разумное объяснение, как этнографический экспонат попал в соседнее естественнонаучное учреждение с профильной лабораторией.

Предложенная атрибуция бамбукового футляра № 402–10 как колчана не снимает двух важных вопросов. Первый: был ли вообще в коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая зарисованный набор предметов? Положительный ответ на этот вопрос дает первый архивный экземпляр «Каталога предметов этнологической коллекции с ос-ов Тихого океана Н.Н. Миклухо-Маклая», составленный им самим²⁵. Каталог вышел из печати, как установил Б.Н. Путилов, 10 октября 1886 г.²⁶ Именно по этому печатному экземпляру «Каталога» Н.Н. Миклухо-Маклай передавал предметы коллекции в Этнографический музей Императорской Академии Наук.

На первой странице издания, фактически бумажной обложке, сохранилась в первом архивном экземпляре помета чернилами Федора Карловича Руссова, Ученого хранителя Музея: «Коллекция М.М. принята мною по этому списку, приписки автора [и] со слов его. Ф[едор] Р[уссов]». Маргиналии Н.Н. Миклухо-Маклая и Ф.К. Руссова довольно часто встречаются на обложке и в тексте «Каталога». Особенно много их на чистых страницах в конце издания, предназначенных «для заметок».

На обложке, выше заголовка, мне удалось разобрать написанные рукой Н.Н. Миклухо-Маклая три строчки карандашом: «С о. Явы духовая трубка Сумпи (это слово зачеркнуто. – *Л.И.*) **Сумпитан футляр со стрелюю**» (выделено мною. – *Л.И.*). Данная помета недвусмысленно подтверждает наличие в собрании всех трех предметов, но указывает на их яванское происхождение. Рассмотрим такую возможность.

Действительно, Н.Н. Миклухо-Маклай неоднократно бывал на Яве и подолгу жил в Бейтензорге (совр. Богор) у генерал-губернатора Джемса Лаудона. Там он обычно поправлял свое пошатнувшееся в путешествиях здоровье, приводил в порядок дневники, писал статьи и письма²⁷. Но в настоящее время нет абсолютно никаких данных о его полевой работе или сборе этнографических коллекций на этом острове. Ни в его собрании, хранящемся в МАЭ, ни среди немногих маклаевских предметов в Австралийском музее Сиднея нет ни одного яванского. Правда, и вещей из Малакки до сих пор тоже известно не было. Однако вероятность их наличия в коллекции рассмотрена на этих страницах. Указание на о-в Яву вместо Малаккского п-ова, очевидно, нужно считать ошибкой в ряду некоторых других, допущенных самим Н.Н. Миклухо-Маклаем при передаче коллекций в Музей. Извиняющие их объяснения

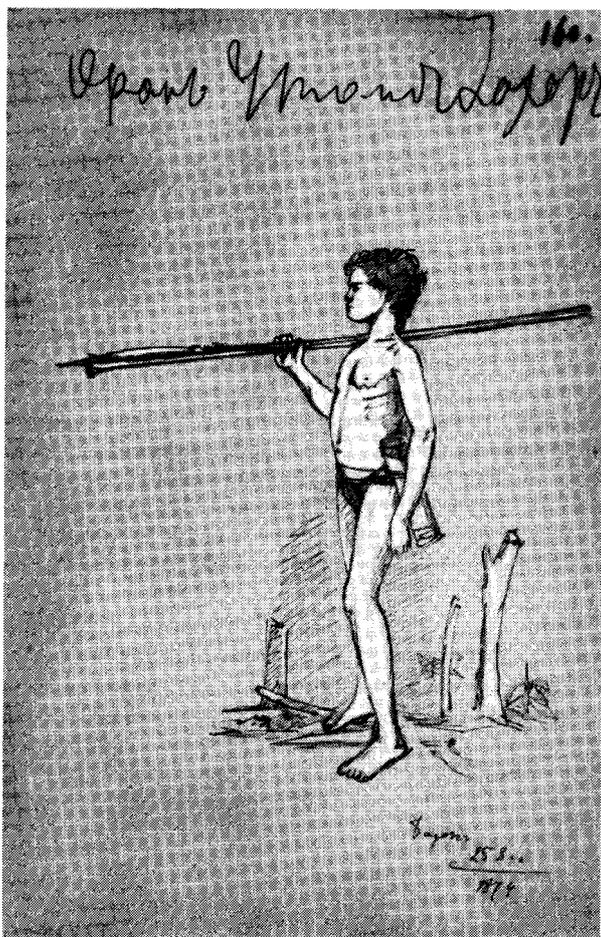

Рис. 4. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая – повтор рисунка из дневника путешествия по Малаккскому п-ову

существуют, но здесь нет возможности останавливаться на них. Исправить же ошибку, допущенную через 12 лет после приобретения предметов, позволили его собственные рукописи и рисунки. Они документально свидетельствуют о том, что сумпитан, стрелу к нему и колчан ученый видел и имел возможность приобрести у коренных жителей именно Малаккского п-ва. И здесь возникает второй вопрос: у кого именно?

С одной стороны, ответ вроде бы лежит на поверхности – у оран райет. Именно их Н.Н. Миклухо-Маклай встретил в Бадоне, и они же указаны в помете к рисунку с изображением Сватна. Однако существует повтор рисунка, выполненный самим путешественником, очевидно, для публичных лекций. Надпись на этом втором гласит: "Оран Утан Йохор. Бадон 25 Дек. 1874"²⁸ (рис. 4).

Известно, что первое путешествие по Малаккскому п-ову проходило в пределах княжества Йохор, по рекам Муар, Палонг, Пырла, по залитому водой тропическому лесу. Ученый буквально по крупицам собирал сведения о различных группах населения, обитавших в этих местах. По-видимому, на стоянке Нанка 22–23 декабря он записал: «Узнал, что здесь якун называются *оран-райет* или *оран-раят*, а далее около реки Кратон – оран-утан, что оран-райет не любят, когда их называют якун»²⁹. Итак, Маклай перечисляет несколько названий, среди которых упомянуты и оран

райет, и оран утан. В других местах дневника приведены десятки наименований местных аборигенных групп.

Как показывает новейшее исследование Е.В. Ревуненковой, «большинство из перечисленных названий – не этнонимы, а малайские названия либо всех "диких" народов (оран утан – "лесные люди", оран лиар – "дикари" и т.п.) либо названия одного и того же народа в зависимости от местности, где он обитает... Действительно этнонимами являются только семанги, сенои и джакуны (якуны)»³⁰. Все три народа принадлежали в XIX в. к «одному и тому же хозяйственно-культурному типу полубродячих охотников-собрателей», их этнографическую характеристику можно найти в другой работе Е.В. Ревуненковой³¹. Детально анализируя маршрут первого путешествия по Малаккскому п-ову и весь комплекс этнологических, антропологических и лингвистических данных, собранных Н.Н. Миклухо-Маклаем и другими учеными, она приходит к выводу, что в первый раз Николай Николаевич посетил места расселения джакунов, а также места обитания семангов, но самих семангов не видел³². Следовательно, рисунки стрелометательной трубки, колчана и стрелы были сделаны им у джакунов. Косвенно этот вывод подтверждают и материалы фундаментальной монографии У. Скита и Ч. Блегдена начала XX в., в многочисленных таблицах которой приведены узоры бамбуковых колчанов и футляров сеноев³³. Их обязательность, отмеченная авторами в тексте, богатство и разнообразие также не позволяют сопоставить и отождествить неорнаментированный колчан № 402–10 из МАЭ с аналогичными изделиями сенов.

Все изложенное выше позволяет атрибутировать бамбуковый цилиндрический футляр № 402–10 из коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая в МАЭ как колчан для отравленных стрел, который ученый приобрел у джакунов на стоянке Бадон 25 декабря 1874 г. во время первого путешествия по Малаккскому п-ову. Приведенные здесь данные свидетельствуют о существовании в коллекциях МАЭ и других экспонатов с Малаккского п-ова, переданных в музей Н.Н. Миклухо-Маклаем. Это снабженный штыком сумпитан длиной 2 м из полых стыкующихся друг с другом бамбуковых трубок, которые скреплены ротангом и каучуком, а также тонкая стрела с заостренным наконечником и деревянной пробкой на конце.

Наконец, существовал еще один экспонат, вписанный Н.Н. Миклухо-Маклаем на страницу 15 первого экземпляра Каталога 1886 г.: «Деньги из гамбира из Малайского полуострова 1000 на 1 доллар». Консультация в Ботаническом саду РАН в Москве помогла установить по одному из словарей: «*Uncaria Gambieri. Gambier Catechu* (ункария гамбьери дубильная. – Л.И.) – вьющееся растение около 10 футов длины с овальными или овально-заостренными длинными листьями 5 дюймов длины, гладкой кожей, цветок желтоватого цвета, семенная коробочка. Производится в коммерческих целях»³⁴ (вероятно, из-за дубильных свойств).

Согласно Н.А. Бутинову (или С.А. Токареву), «Гамбир – *Uncaria gambir* – растение, листья которого употребляются для изготовления настойки, прибавляемой к бетелю для жевания»³⁵. Если ункария и заменяла в бетелевой жвачке на Малаккском п-ове плод арековой пальмы, также обладающий дубильными свойствами, то это не проясняет вопроса о том, какая часть растения (листья, семена, корень) служила денежным эквивалентом и была приобретена Н.Н. Миклухо-Маклаем для коллекции. К сожалению, в гербарии Отдела тропических растений Ботанического сада РАН ункария гамбьери отсутствует, и увидеть ее можно только в Петербургском отделении Ботанического сада РАН. Думается, знакомство с растением помогло бы обнаружить в собраниях МАЭ «деньги из гамбира» с Малаккского п-ова, привезенные Н.Н. Миклухо-Маклаем, но сделать это могут только сотрудники музея.

Примечания

¹ Инвентарный список коллекций Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого (так назывались описи коллекций МАЭ до революции 1917 г.). № 231. Л. 3.

² Плохо читаемая записка без имени адресата хранится в Описи колл. № 231 и дана здесь в переводе на

русский язык: "Глубокоуважаемый господин! Я хотел бы передать Вам при сем два шипа ската, которые происходят из коллекции Миклухо-Маклая, и, как я полагаю, скорее представляют этнографию, чем зоологию. С неизменным почтением, преданный Вам Й. Герценштейн".

Благодарю Елену Владимировну Ревуненкову, любезно продиктовавшую мне немецкий текст этой записки по телефону.

³ Опись колл. № 402. Л. 13 с наклеенными этикетками.

⁴ Указан именно диаметр трубки, а не дна, так как диаметр перегородки бамбука всегда меньше, чем наружный диаметр, и его трудно измерить.

⁵ Происхождение двух этих экспонатов установлено Е.С. Соболевой (Каталог этнографических коллекций Н.Н. Миклухо-Маклая. Рукопись).

⁶ См. анонимный "Список предметов этнографической коллекции, собранной Н.Н. Миклухо-Маклаем на разных островах Океании" // *Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия*. Т. II. М.; Л., 1941. С. 270. № 46, 47.

Этот "Список" состоит из двух частей, завершающих каждый из двух томов "Путешествий", и насчитывает 439 предметов и 431 порядковый номер. В 1954 г. он был вновь издан в т. V Собр. соч. Н.Н. Миклухо-Маклая (с. 448–462), правда, под другим названием и в сокращенном варианте (всего 296 предмета и 260 порядковых номеров), в иной последовательности, но с опечатками издания 1940–1941 гг. и также без фамилии автора.

Фактически "Список" является первым профессионально составленным каталогом Маклаевского этнографического собрания, появившимся после смерти путешественника, так как содержит не просто перечень экспонатов, а их описания (иногда очень детальные), местные названия вещей, ботанические и зоологические определения материалов, из которых были изготовлены те или иные предметы. Главное, что была установлена атрибуция большого числа экспонатов, ранее ее не имевших.

Сопоставления анонимных "Списков" с анонимными же рукописными Описями колл. № 168 и 402 привели меня к заключению, что их автором был один и тот же исследователь. Путем несложных рассуждений удалось "вычислить", что им мог быть Александр Брониславович Пиотровский (23 мая 1888 г. – 5 марта 1942 г.). В апреле 1997 г. я смогла сравнить почерк автора анонимных описей с почерком нескольких сохранившихся в Архиве МАЭ рукописных страниц готовившейся к печати статьи А.Б. Пиотровского "Жизнь и путешествие Николая Николаевича Миклухо-Маклая" (К-1. Оп. 1. № 770. Л. 15, 44–47). Было бы преувеличением утверждать, что их почерк оказался тождественным, но характерные написания ряда часто встречаемых букв совпадают во всех трех рукописях и свидетельствуют об их создании одним и тем же лицом, но в разное время. Поскольку архивный текст статьи определенно принадлежит А.Б. Пиотровскому, то именно он был автором и анонимных "Списков", и рукописных описей колл. № 168, 402, и десятков других коллекций Отдела Австралии и Океании МАЭ.

⁷ Атрибуция экспонатов с колл. № 168–9–11 принадлежит самому собирателю. См.: [*Н.Н. Миклухо-Маклай*]. Каталог предметов этнологической коллекции с о-вов Тихого океана Н.Н. Миклухо-Маклая. СПб., 1886. С. 3–4. То же относится и к № 402–7, 9, имеющим подлинные этикетки, наклеенные в описи колл. № 402. Л. 12, 13. Футляр № 402–27 с надписью Н.Н. Миклухо-Маклая и датой. Футляр № 402–25 впервые атрибутирован А.Б. Пиотровским. См. рукописную опись колл. № 402. Л. 1 об. (Первая Опись этой коллекции была составлена Е.Л. Петри и отпечатана в типографии).

⁸ Предмет № 168–176 атрибутирован собирателем. См.: [*Н.Н. Миклухо-Маклай*]. Каталог предметов... С. 12. Футляры с № 402–28, 29 атрибутированы Е.С. Соболевой.

⁹ На самом деле материалы с Берега Маклая и с Соломоновых островов разделяются еще на две подгруппы в зависимости от принадлежности к разным деревьям в первом случае и к разным островам – во втором, что для данной работы несущественно.

¹⁰ *Иванова Л.А.* История сложения, состав и характеристика ванауатуанских (новогебридских) коллекций МАЭ // КПК. Вып. 4–6. СПб., 1996. С. 168–179; *её же.* Источниковедческие проблемы изучения этнографического собрания Н.Н. Миклухо-Маклая в свете его рисунков // *Человек из легенды*. Малайско-индонезийские исследования. Т. VIII. М., 1997. С. 22–30.

¹¹ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. II. М., 1993. С. 19–21. Рисунок опубликован на с. 20. Оригинал его хранится в Архиве РГО. Ф. 6. Оп. 1. № 47. Л. 13.

¹² *Шпринцин Н.Г.* Стрелометательная трубка в Америке, Индонезии и Океании (Опыт сравнительного описания по коллекциям Музея Антропологии и Этнографии) // Сб. МАЭ. Т. VIII. Л., 1929. С. 305.

¹³ *Кузнецов А.И.* Пананы // *Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин*. М., 1982. С. 67.

¹⁴ *Шпринцин Н.Г.* Указ. раб. С. 305.

¹⁵ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. IV. М., 1994. С. 29.

¹⁶ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. II. М., 1993. С. 438.

¹⁷ Архив РГО. Ф. 6. Оп. 1. № 45. Л. 34.

¹⁸ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. II. С. 438.

¹⁹ *Шпринцин Н.Г.* Указ. раб. С. 305.

²⁰ Там же. С. 306.

- ²¹ Иванова Л.А. Источниковедческие проблемы... С. 29–30.
- ²² См. прим. № 60 Е.В. Ревуненковой // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. II. М., 1993. С. 456–457.
- ²³ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. IV. М., 1994. С. 29.
- ²⁴ *Миклухо-Маклай.* Собр. соч. Т. II. М., 1993. С. 438.
- ²⁵ Первым экземпляром является тот, на котором пометы сделаны самим Н.Н. Миклухо-Маклаем. См.: Архив МАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 321.
- ²⁶ *Путилов Б.Н.* Этнографическая выставка Н.Н. Миклухо-Маклая в 1886 г. // Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура. Макаевские чтения 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 34.
- ²⁷ См. прим. № 1 Б.Н. Путилова // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1990. С. 434.
- ²⁸ Рисунок опубликован в: *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. IV. М., 1994. С. 15.
- ²⁹ Там же. Т. II. М., 1993. С. 14.
- ³⁰ *Ревуненкова Е.В.* Н.Н. Миклухо-Маклай об аборигенах и малайцах Малаккского полуострова // Этнограф. обозрение. 1994. № 1. С. 137.
- ³¹ *Ревуненкова Е.В.* Семанги, сенои, джакуны // Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982. С. 147–161.
- ³² *Ревуненкова Е.В.* Н.Н. Миклухо-Маклай об аборигенах... С. 167.
- ³³ *Skeat W.W., Blagden Ch.O.* Pagan Races of the Malay Peninsula. V. I. L., 1906.
- ³⁴ *Chittenden F.J.* Dictionary of gardening. A practical and scientific Encyclopaedia of Horticulture. V. IV. Oxford, 1951. P. 2179.
- ³⁵ См. прим. № 20 Н.А. Бутинова (или С.А. Токарева) // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. II. М., 1950. С. 763.

Сердечно благодарю чл.-кор. РАН Сергея Александровича Арутюнова за ценные ботанические консультации, данные мне при подготовке этой статьи, а также зав. Отделом тропических растений Главного ботанического сада. им. Н.В. Цицина д-ра биол. наук Бориса Николаевича Головкина и сотрудницу того же отдела Татьяну Васильевну Теленкову за предоставленную литературу.

L.A. Ivanova. About Identification and Attribution of Malacca Peninsula Exhibits from N.N. Miklouho-Maclay Collection at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstskammer)

The article retraces the history and characteristics of bamboo cylindrical case from the Museum. The author attributes it as quiver for poisoned arrows from Malacca Peninsula. She also researches several exhibits had been acquire by N.N. Miklouho-Maclay from there.

© 1998 г., ЭО, № 4

Д.А. Баранов

«НЕЗНАКОМЫЕ» ДЕТИ (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБРАЗА НОВОРОЖДЕННОГО В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ)

Некоторые черты новорожденного в русской традиционной культуре, а также родинные обряды в целом явились в последнее время предметом исследования целого ряда публикаций¹. Учитывая достаточно детальную разработанность этой темы, с одной стороны, и наличие огромного, трудно обозримого фактического материала, – с другой, здесь уместно ограничиться рассмотрением лишь некоторых ее аспектов. Речь пойдет о проблеме идентификации ребенка, познания его сущности и тех знаний, которые он несет в мир. Это позволяет рассматривать новорожденного как активного субъекта, личность. В таком контексте взаимоотношения взрослых и младенца принимают характер диалога, начало которого обнаруживается уже на пренатальной стадии развития.